
АНТРОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СИМВОЛИЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫХ ТИПОВ («ДОХОДНОЕ МЕСТО» А.Н. ОСТРОВСКОГО)

И.Н. Исакова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, МГУ, 1 корпус гуманитарных факультетов, Москва, Россия, 119991

Антропонимы в пьесах А.Н. Островского давно привлекают внимание исследователей, и чаще всего проводится связь этимологии имени с характером его носителя. В данной статье исследуется семантика антропонимов пьесы «Доходное место», отмечается обыгрывание их этимологии в речи персонажей. Предпринимается попытка рассмотреть трехчленные антропонимы как замкнутые системы. В результате в каждом случае возникает своего рода целостный текст, дающий довольно полное представление о характере того или иного персонажа. Фактически антропонимы оказываются не столько номинациями персонажей, сколько номинациями типов, наиболее распространенных в чиновничьей среде, что придает образам почти мифологическую обобщенность. Антропонимы составляют систему, которая соответствует системе персонажей пьесы (Жадов противопоставлен всем остальным персонажам).

Ключевые слова: антропоним, А.Н. Островский, система персонажей, тип, этимология имени

Для драматургии в большей степени, чем для эпоса, характерно использование «говорящих имен». Эта традиция зарождается еще в античной драматургии, преимущественно в комедии. С одной стороны, имя наряду с маской позволяет облегчить зрителю восприятие пьесы, с другой — является одним из комических приемов [8. С. 187—193]. В последующей литературе наиболее яркие образцы говорящих имен можно найти в классицистических комедиях. При этом драматурги вовсе не старались соотносить имена своих героев с реальной антропонимической нормой. Во второй половине XVIII в. ни один человек не мог получить имени, не представленного в святцах, однако в комедии Хераскова «Ненавистник» фигурируют такие имена, как *Змеяд, Здоруст, Приятя, Добров, Милат* (он же *Стовид*), *Развед, Гордей, Грублон, Бумагон*. Херасков образовывал имена от любой части речи, думая лишь о том, чтобы в них отражались главные черты характеров их носителей. В таком контексте реальное имя *Гордей*, фамилия *Добров* тоже осмысляются как «говорящие». В эпоху реализма писатели стараются вводить в свои произведения реальные имена и фамилии, обыгрывая при этом их семантику.

Для Островского характерно использование фамилий, образованных от диалектных слов, этот принцип проявился уже в первой пьесе драматурга «Семейная картина», где фамилия одного из главных героев *Ширялов* образована от диалектного слова *ширяло*, т.е. копалка, кочерга [3. Т. 4. С. 635]. В то же время отчетливо прослеживается принцип давать героям реально существующие фамилии, хотя и редкие. В пьесах Москвитянинского периода Островский стремился связать

имя героя с календарно-обрядовым фольклором, народным календарем. Семантическую функцию несет не столько имя, сколько обычаи, поверья, которые были приурочены ко дню памяти того или иного святого, особенно показательна в этом отношении комедия «Не так живи, как хочется».

Пьеса «Доходное место» интересна тем, что здесь впервые Островский изображает мир чиновников. Можно предположить, что при выборе антропонимов драматург будет руководствоваться несколько иными принципами. И действительно, Островский осознанно отказывается связывать имена персонажей с народным календарем: чиновничий мир живет совсем иначе, герои отпочковались от народной культуры, их интересы сосредоточены на законах, точнее, на том, как их повернуть в свою пользу. Неудивительно, что фамилия одного из героев отсылает к канцелярскому жаргону (*Юсов*).

Семантика фамилий, как и в предшествующем творчестве, учитывается Островским, здесь на первый план выходит этимология слова, лежащего в основе того или иного антропонима. Главной особенностью этой пьесы является то, что впервые Островский пытается провести семантическую связь между именем, отчеством и фамилией персонажа, чтобы они последовательно прочитывались как некий связный текст, дающий четкое представление о характере персонажа, о его желаниях, стремлениях, ценностях и в некоторых случаях даже роли в сюжете. Похожий прием уже был использован Островским в пьесе «Свои люди — сочтемся!», где главного героя зовут *Самсон Силыч Большой*, но имена всех остальных персонажей невозможно прочесть как единый текст.

Список действующих лиц в комедии «Доходное место» открывает *Аристарх Владимирович Вышневецкий*, богатый чиновник, «одряхлевший старик с признаками подагры» [5. С. 39], т.е. содержится указание только на возраст и здоровье, в то время как основную характерологическую нагрузку выполняют имя, отчество и фамилия (в номинациях-характеристиках даже не указано, что он чиновник). Имя *Аристарх* образовано от двух греческих слов, которые в переводе означают «лучший; властвую, начальствую» [6. С. 61]. Прилагательное *aristos* часто использовалось по отношению к вельможам [2. Стб. 195]. В греческой мифологии *aristarhos* — один из эпитетов Зевса. Имя перекликается с отчеством: *Владимир* — «владеющий миром» — одно из наиболее распространенных княжеских имен. К этому же семантическому полю относится и фамилия *Вышневецкий* (от др.-рус. *вышний* — верхний), которая указывает, что герой находится наверху социальной лестницы, одновременно фамилия может быть связана и с глаголом *возвышаться*: в пьесе говорится, что Аристарх Владимирович «в несколько лет возвышается, богатеет» [6. С. 104]. Помимо этого, фамилия усиливает ассоциацию с Зевсом, живущим на Олимпе. Таким образом, антропоним *Аристарх Владимирович Вышневецкий* может прочитываться приблизительно следующим образом: *человек, занимающий высокое положение, имеющий большое количество подчиненных, повелевающий всеми и на основании этого считающий себя лучшим*.

Герой занимает высокое положение в обществе, он богатейший человек, привыкший командовать всеми — от подчиненных до жены. При этом он абсолютно уверен в своем праве «повелевать всеми». Наиболее показательна его позиция по отношению к Анне Павловне, на которой он женился пять лет назад, когда она

была еще совсем юной, не знающей жизни. Он осознанно выбирает бедную девушку, которую осыпает деньгами, готов исполнить любые ее прихоти, но в ответ требует безоговорочного подчинения. Он ее «покупает».

Ситуация напоминает ту, которая изображена в одной из первых пьесе Островского «Бедная невеста», однако там конфликт строился на сватовстве, здесь же показано, как складывается жизнь бедной девушки, вышедшей замуж за богатого чиновника. Связь с «Бедной невестой» прослеживается и на уровне имен персонажей. Вышневецкий так рассуждает о семейной жизни, в том числе и своей: «Оглянись вокруг себя: какая умная девушка задумается выйти замуж за богатого старика или уroda? Какая мать усомнится выдать дочь таким образом, даже против ее воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество и благодаря Бога, что он послал ее *Машеньке* или *Аннушке* такое счастье» [5. С. 50—51]. Машенька — имя главной героини «Бедной невесты».

Однако такой брак никогда не будет счастливым, и судьба Анны Павловны — яркий тому пример. Эта женщина не может смириться со своим положением куклы, она всячески демонстрирует, что у нее есть свои желания, своя воля, что она, несмотря на свое зависимое положение, вовсе не собирается выполнять требования мужа. Сам же Аристарх Владимырьч искренне не понимает, на каком основании жена держится столь независимо, не понимает, почему он не может рассчитывать на ее ласку, пусть даже и притворную, ведь он обеспечивает ее абсолютно всем. Он, так сказать, лучший, поэтому может повелевать. Имя может прочитываться и как лучший из повелителей: действительно, герой, как ему кажется, требует лишь то, что принадлежит ему по праву и при этом даже не прибегает к насилию, во всяком случае к физическому.

Если в семье он фактически не может командовать, то на службе это ему удается в полной мере: Юсов лебезит перед ним, потому что именно благодаря тому, что они вместе проворачивают махинации, он имеет возможность брать огромные взятки. В пьесе неоднократно говорится, что Аристарх Владимирович живет на взятки, размер которых, видимо, колоссален, в умении жить за счет других он, видимо, достиг совершенства. Таким образом, герой «владеет миром»: все, кто так или иначе оказывается в поле его зрения, вынуждены подчиняться ему, в том числе и просители.

В то же время потенциал имени и отчества невероятно снижен, опошлен. Здесь, согласно П. Флоренскому, можно видеть измельчание (и даже искажение) потенциала имени: когда имя получает широкое распространение, оно теряет свой изначальный смысл [7]. Имя вроде бы тянет человека в определенную сторону, стимулирует его развитие в том или ином направлении, но духовные ценности могут подменяться материальными, высокие — низкими. В данном случае герой не стремится реализовывать потенциал своего имени, он уверен, что он уже обладает всем, и требует, чтобы окружающие преклонялись перед ним и угождали ему.

Однако семантика имени не исчерпывается этимологией: в имени *Аристарх* простой зритель/читатель уловит звуко сочетание *стар*, что обыгрывается в списке действующих лиц, это *старый*, *дряхлый* человек, что, разумеется, является одним из средств снижения образа.

Имя-отчество жены Вышневого *Анна Павловна* также является семантически значимым. *Анна* в переводе с древнееврейского обозначает «милость» [4. С. 19] (1), Павел — с латыни — «малый» [6. С. 217]. Таким образом, отчество как бы сводит на нет потенциал, заложенный в имени: героиня действительно не может проявить свои лучшие качества по отношению к мужу, так как он вызывает у нее лишь отвращение. Анна Павловна вовсе не ценит свое положение в обществе, которое занимает, выйдя замуж. Вероятно, именно замужество мешает героине реализовать потенциал, заложенный в имени (показательно, что в ремарках она названа по фамилии). Любовник Анны Павловны носит почти «кричащую» фамилию *Любимов*, заставляющую вспомнить героев классицистических пьес, указывающую на то, что ее носитель способен вызывать чувство любви, которого не знают окружающие его люди. Показательно, что Анна Павловна влюбляется только в него, остальных она в той или иной степени презирает. Но и по отношению к Любимову Вышнева не может во всей полноте проявить свою милость: о молодом чиновнике в обществе стали распускать сплетни, но героине, по ее же словам, не хватило «ни ума, ни возможности» [5. С. 106] заступиться за него. В итоге Любимову пришлось оставить службу и уехать из города.

Если Вышнева олицетворяет власть, это чиновник, находящийся на вершине карьерной лестницы, то Белогубов — это чиновник, который только начинает продвигаться по службе. А для этого, как говорилось еще в пьесе «Горе от ума», надо угождать «всем людям без изъятия», что Белогубов прекрасно понимает и блестяще исполняет. Об умении угождать свидетельствует и его имя-отчество. *Онисим* — «полезный» [2. Стб. 887], герой действительно старается во всем быть полезным Юсову, готов выполнить любое его поручение. В то же время он умеет извлекать пользу из этого знакомства. Он приезжает к своей невесте вместе с Юсовым, тем самым демонстрируя Юлиньке свои связи, перспективы. Это же качество помогает герою и в частной жизни. Белогубов довольно долго ухаживал за Юлинькой, но предложение сделал только тогда, когда получил повышение, т.е. смог обеспечить жену, удовлетворить все ее прихоти. И не ошибся, Юлинька больше всего оценила размер его доходов, да и Фелисата Герасимовна особенно интересовалась материальным положением потенциального зятя. Однако Белогубов старается угодить будущей теще не только косвенно, но и прямо. Выслушав притворную жалобу Кукушкиной, что ей трудно расстаться с дочерьми, он первый говорит: «Маменька, мы вас не оставим» [5. С. 69], а затем уже эту фразу повторяют Юлинька и Полина.

Есть и другой перевод имени *Онисим* — «благодетельный», который тоже актуализируется в пьесе: Белогубов быстро добивается высокой должности, имеет хорошие доходы и уже сам оказывает благодеяния, например, теще или косвенно семье Жадова. Путь по карьерной лестнице начинается с угождения, которое затем должно смениться благодеяниями. Об этом говорит Юлинька Полине: «У нас теперь есть средства, так что мы решились даже другим благодействовать». Благодеяния носят сомнительный характер: герой, вероятно, пытается таким образом самоутвердиться. Ведь, оказывая благодеяния одним, Белогубов не забывает продолжает угождать другим, он все так же лебезит перед Юсовым, ви-

димо, рассчитывая на дальнейшее продвижение. А чтобы не чувствовать себя ничтожеством, готов помочь другим.

Отчество персонажа *Панфилович* (от *Панфил*) переводится как «всеми любимый» [6. С. 219], молодому чиновнику, действительно, удается завоевать расположение всех: и Юсова, и Юлиньки, и Фелисаты Герасимовны, поскольку он может быть им полезным. Наиболее ярко потребительское отношение к Белогубову демонстрирует Юлинька: «когда муж привезет ей что-нибудь из города, так и кинется ему на шею, так и замрет, насилу стащат. Оттого он чуть не каждый день ей и возит подарки. А не привезет, так она и губы надует и не говорит с ним два дни» [5. С. 87]. Любовь эта показная, с самого начала Белогубов был противен Юлиньке: на вопрос Полины, нравится ли ей жених, она не задумываясь ответила: *дрянь ужасная*, но охотно пошла за него замуж, поскольку он обещал возить ей разные подарки: «Что ж? это очень хорошо, Полина, пускай возит. Тут и думать нечего, за такого человека надо идти» [5. С. 67].

Фамилия героя также может считаться «говорящей»: она образована от словосочетания *белые губы*, так к северу от Москвы называют грузди [1. С. 71], возможно, тем самым подчеркивается стремление героя к сытой жизни. Фамилия *Белогубов* (в отличие, например, от *Груздев*), вызывает ассоциативную связь с пословицей *Губа не дура*, которая указывает на одну из наиболее характерных черт персонажа (связь подчеркнута тем, что в пьесе эта пословица звучит в адрес героя). Этот мотив особенно ярко реализован в спектакле Коршунова, поставленном в 2008 г. в московском театре «Сфера», где изменена последняя сцена. В финале в дом к Вышневному приходит Белогубов и вальяжно садится на стул, никто из персонажей его не замечает. Когда Вышневецкий уходит в кабинет, Юсов оборачивается, с удивлением замечает Белогубова, который удовлетворенно облизывается, и Юсов кланяется ему как новому начальнику. У зрителя складывается стойкое ощущение, что Вышневецкого подселел Белогубов: на смену старому взяточнику пришел новый.

Кроме того, по фамилии персонажа можно предположить, что Белогубов приехал, видимо, из какой-то губернии, расположенной к северу, ведь имя его может быть воспринято зрителем как диалектное (поскольку широкое распространение получила форма *Анисим*, вытеснившая исходную *Онисим*), отчество также дано в диалектной форме — *Панфилович* вместо *Памфмлыч*. Итак, антропоним *Онисим Панфилович* указывает на простое происхождение персонажа, выделяется на фоне нейтральных: *Аристарх Владимирович*, *Василий Николаич*.

По ходу пьесы фамилия обыгрывается: когда герой второй раз приехал к Юлиньке, то, по ее словам, «как-то странно сжимал губы, облизывался» [5. С. 59], очевидно, его отношение к невесте исключительно чувственное. В спектакле А. Коршунова этот мотив развернут: Белогубов облизывается всегда, когда доволен, к концу пьесы постоянно. В финале Юсов по просьбе Белогубова танцует в трактире и обращается к публике: «Вы, молодежь, *молокососы*, чай, смеяться над стариком!» [5. С. 78]. Номинация относится к чиновникам, наблюдающим за Юсовым, но косвенно отсылает и к Белогубову, которому Аким Акимыч перед этим сказал примерно то же самое. Номинация *молокосос* ассоциативно связывается с фамилией *Белогубов* (белые губы — от молока).

Итак, антропоним *Онисим Панфилович Белогубов* также может прочитываться как единый текст: *человек, который добивается расположения всех при помощи угождения, поэтому успешно делает карьеру и упрочивает свое материальное положение, что в дальнейшем позволяет ему оказывать благодеяния другим и тем самым тешить свое самолюбие.*

Ни один высокопоставленный чиновник, наверное, не обойдется без помощника, постигшего все премудрости законов. Поэтому Вышневному необходим Юсов, фамилия которого образована от буквы церковнославянского алфавита, давно вышедшей из употребления. Существовало выражение *дойти до юсов*, т.е. знать абсолютно все в том или ином деле. В XIX веке в канцелярской среде бытовало прозвище *юс* — «приказный, подъячий, законник, крюк, выросший на бумажном деле; знаток всех судебных проделок и тяжбник». Существовало выражение *строить юсы, лукавые судебские крючки и ловушки* [3. Т. 4. С. 670]. Вышневецкий может придумать идею, а техническая ее реализация, видимо, задача Юсова. *Аким* в переводе с иврита означает «воздвигнутый Богом» [6. С. 143]. Герой не видит ничего плохого в том, что придает взяткам вид законных сборов, позиция Жадова, желающего жить честно и бедно и не пытающегося извлечь выгоду из родственных связей с Вышневецким, кажется ему невыносимой глупостью. Имя *Аким* может прочитываться и по-другому, если Вышневецкий фактически является почти богом, то Юсов делает то, что скажет ему господин, тем более, что он тоже не будет обижен своим благодетелем, материальное положение Юсова во многом создается благодаря Вышневному. После известия о крахе Вышневецкого Юсов больше всего боится, что и его могут привлечь к ответственности.

Миру Вышневецких, Белогубовых и Юсовых противостоит *Василий Николаевич Жадов*. Если фамилии остальных героев в той или иной степени связаны с материальными благами, удовлетворением в целом примитивных потребностей, то фамилия *Жадов* связана с эмоциональной сферой: она образована от глагола *жадать* — «сильно желать, хотеть, волить, нетерпеливо хотеть, ожидать», существует также слово *жадатель* — «желатель, нуждающийся в ком или в чем» [3. Т. 1. С. 524], в современном языке это переносное значение глагола *жаждать*. Но у глагола *жадать* нет «физиологического» значения, он указывает исключительно на психологическое состояние человека. Жадов — единственный персонаж, способный на глубокие искренние чувства: он до безумия влюбляется в Полину, женится по любви, а не по расчету, как это делают все вокруг. Эмоции очень сильно влияют на его поступки: например, он способен в порыве гнева оскорбить жену. Потом он, конечно, может раскаяться и также под влиянием сильного эмоционального порыва даже на какое-то время поступиться своими принципами: он все-таки перелаживает себя и идет к Вышневному просить доходного места.

Страстное желание проявляется и в социальной сфере: Василий Николаич жаждет, чтобы чиновники честно служили, чтобы взяточничество было искоренено. Именно это желание в итоге становится определяющим. В конце Жадов готов расстаться с Полиной, которую продолжает горячо любить, но которая заставляет его пойти против своих принципов.

В то же время в пьесе реализуется и значение существительного «жадатель»: ведь герой очень нуждается в Полине, любовь к ней, желание быть с ней рядом

на какой-то момент пересиливают все остальные его желания. Однако нуждается Жадов не только в Полине, но и в своем дядюшке. Он сообщает Вышневному о своем намерении жениться, надеясь на его помощь, в конце приходит просить у него доходное место.

В пьесе есть еще один персонаж, причем внесценический, фамилия которого также отсылает к эмоциональной сфере, — *Любимов*. Это такой же благородный герой, как и Жадов, решившийся пойти против общественного уклада. Именно он вызывает у Анны Павловны горячую любовь, что также сближает его с Жадовым, которого любит Полина.

Масштаб желаний Жадова конкретизирует имя-отчество: *Василий* («царь») [6. С. 79] *Николаевич* («победитель народов») [6. С. 208]. Итак, имя — это своего рода девиз героя, желающего изменить существующий порядок и стать лидером нового мира: «В наше время... (*начинает тихо и постепенно одушевляется*) общество мало-помалу бросает прежнее равнодушие к пороку, слышатся энергические возгласы против общественного зла... у нас пробуждается сознание своих недостатков; а в сознании есть надежда на лучшее будущее... начинает создаваться общественное мнение... в юношах воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно растет, растет и принесет плоды» [5. С. 108]. Итак, антропоним *Василий Николаевич Жадов* — это еще один связный текст: *человек, страстно стремящийся искоренить существующий жизненный уклад и создать новый мир, новое общество, которое было бы основано на принципах, которым следует герой*.

Жадов и Вышневецкий составляют контрастную ономастическую пару (прием в целом очень характерный для драматургии): Вышневецкий — лидер существующего чиновничьего мира, Жадов — борец, пытающийся создать новый мир. Один наслаждается своим положением в обществе, принимает знаки уважения, купается в лести; другой — страстно стремится к желаемому, собирает вокруг себя единомышленников, воспитывает жену в своих принципах. Чем закончится эта борьба, неизвестно; какие разочарования ждут Жадова, сколько их будет, как он будет справляться с ними, какой нравственный урок извлечет, сложно сказать. Но главную борьбу — с самим собой — герой выдержал, и теперь, скорее всего, он уже не свернет с правильного пути. Финал пьесы можно рассматривать как первую победу Жадова: если раньше Вышневецкий только смеялся над его речами, то в конце, правда, уже понеся заслуженное наказание, приходит в ярость, результатом которой является удар. Вышневецкий, хотя и с трудом, но все-таки смог выдержать несчастье, пока оно не вышло за рамки социальной сферы, но как только Жадов переводит ситуацию в нравственную сферу («Я буду ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного» [5. С. 109]) сил Вышневецкого уже не хватает. Если до этого он лишь хотел выгнать Жадова, то теперь в бешенстве кричит: «Я тебя задушю своими руками!» [5. С. 109], т.е. он в племяннике увидел врага, которого раньше явно недооценивал.

Фамилия *Жадов* включается еще в одну контрастную ономастическую пару: *Жадов* — *Мыкин*. Фамилия приятеля главного героя, занимающегося учительским трудом, образована от глагола *мыкать* — «шататься в нужде, обмогаясь» [3. Т. 2. С. 364], входящего в устойчивое выражение *горе мыкать*, т.е. «бедовать». Мыкин, действительно, с трудом сводит концы с концами, однако на судьбу не жалуется,

готов и дальше вести такой образ жизни. Фамилия указывает на объективное положение персонажа, а не на его эмоциональное отношение к происходящему. И действительно, персонаж очень трезво оценивает свое положение, не женился на любимой девушке, понимая, что не сможет ее обеспечить, зато живет с чистой совестью. Его положение существенно легче положения Жадова, вынужденного содержать Полину, выслушивать ее упреки. Таким образом, именно эмоциональность Жадова, его желание жить чувствами, наслаждаться счастьем выделяет его и среди друзей и единомышленников. В то же время фамилия *Мыкин* указывает, что герой смиряется со своим положением, ни о чем не мечтает, в то время как Жадов ставит себе высокие, почти недостижимые цели.

Помимо Жадова имя *Василий* носят еще два персонажа: Досужев и слуга в трактире. Наличие трех одинаковых имен в одной пьесе — единственный случай в творчестве Островского. Это тем более показательно, что все персонажи, носящие имя *Василий*, появляются на сцене. Видимо, это еще один эксперимент драматурга с антропонимами. При этом Досужев подчеркивает, что они тезки с Жадовым, т.е. зритель/читатель однозначно должен обратить на это внимание. Имя лакея звучит в пьесе 10 раз и только в полной форме, что тоже не останется незамеченным (для сравнения имя *Василий Николаевич* фигурирует 8 раз). В пьесе два лакея: Василий и Григорий, но крупным планом показан именно Василий, с ним разговаривает и Досужев, и Белогубов, и оба обращаются к нему по имени. Досужев олицетворяет возможную судьбу Жадова, если он сохранит свои принципы, но научится получать выгоду от богатых и глупых чиновников. Фамилия *Досужев* образована от прилагательного *досужий*, т.е. «умеющий, способный к делу, ловкий, искусный, хороший мастер своего дела или мастер на все руки». Так подчеркивается профессионализм героя, к помощи которого часто прибегают купцы. В то же время ассоциативно фамилия связывается и с прилагательным *досужный* — «свободный от дел, занятий» [3. Т. 1. С. 481]. Действительно, Досужев пишет бумаги купцам в свободное от основной работы время, т.е. на досуге. Таким образом, антропоним *Василий Досужев* также может прочитываться как единый текст: *мастер своего дела, умеющий извлекать из этого выгоду, что вызывает уважение окружающих*. Лакея Василия, вынужденного влачить жалкое существование, зависящего от сильных мира сего, можно рассматривать как символическое отражение другой возможной судьбы Жадова. В конце пьесы Жадов решает просить доходного места, очевидно, если бы не стечение обстоятельств, он продвинулся бы по службе, но Вышневецкий, Юсов, очевидно, помыкали бы им, желая отомстить юноше за прежние дерзости.

В пьесе есть еще один персонаж, имеющий трехчленный антропоним — *Фелисата Герасимовна Кукушкина*. Кукушка — единственная птица, которая не растит сама своих птенцов, а подкидывает яйца в гнезда других птиц. На первый взгляд это противоречит позиции героини, которая одна воспитывает двух дочерей, хочет выдать их замуж, собирает сведения о женихах, дает советы, как себя вести до и после свадьбы. Но за внешней заботой стоит желание побыстрее сбыть дочерей с рук и попытаться устроить свое счастье, о чем героиня заявляет с самого начала: «Я себе во всем отказываю. Поворачиваюсь, как вор на ярмарке, а я еще не старая женщина, могу партию найти... Я для вас обрывать да обрезать

себя понапрасну не намерена» [5. С. 58]. Главное желание героини — пожить для себя. Этот мотив также подчеркнут в постановке Коршунова, где в последнем действии героиня одета совершенно иначе: ярко, броско, сексуально (в пьесе костюмы, особенно женские, осовременены, в целом соответствуют моде середины XX в.). Очевидно, Кукушкина находится в поиске супруга. Принципиально изменен стиль ее общения с Юсовым. Хотя режиссер полностью сохранил текст Островского и ничего не добавил, героиня ведет себя не столько как мать, сколько как женщина, увидевшая импозантного мужчину.

Кукушкина прекрасно понимает, что представляет из себя каждая из ее дочерей. Полина — наивная дурочка, поэтому ее надо выдать бы замуж хоть за кого-нибудь, а Юлинька — умная девушка, которая сможет вить из мужа веревки, на нее главная надежда Фелисаты Герасимовны: если дочь удачно выйдет замуж, то и ей будет польза, что и происходит впоследствии. В спектакле Коршунова этот мотив также усилен. Фелисата Герасимовна приходит в гости к Полине в дорогой и модной одежде, видимо, купленной на деньги Юлиньки.

Имя-отчество конкретизирует семантику фамилии: *Фелисата* — «счастливая» [6. С. 277], *Герасимовна* — «почтенная» [6. С. 99]. Счастье она видит в том, чтобы пользоваться уважением других, занимая высокое положение в обществе, что ей в конечном счете и удается благодаря помощи Белогубова и Юлиньки. Слово «почтенная» может восприниматься как указание на возраст героини. Но сама она все еще считает себя молодой, что также можно воспринимать как характеристику героини, мечтающей еще пожить для себя.

Итак, антропоним подчеркивает эгоизм героини, видящей счастье в материальных благах и почете, желающей побыстрее избавиться от дочерей, заботу о которых воспринимает как обузу. В то же время отчество может указывать и на отношение (пусть и показное) дочерей к матери.

Дочери ее носят имена *Юлинька* и *Полина*, которые также являются знаковыми. *Юлия* — древнеримское родовое имя, которое указывает на принадлежность к роду Юлиев [6. С. 305]. Вряд ли случайно, что она выходит замуж за Белогубова, который обеспечивает ей богатую и веселую жизнь. Имя намекает также на властность героини, которая фактически становится домашним тираном. Белогубов в трактире покупает конфеты и пирожные для жены, просит завернуть побольше, очевидно, без такого подношения он не хочет приходить домой.

Полина — народная форма имени *Аполлинария* — «принадлежащая Аполлону» [6. С. 58]). Конечно, героиню нельзя назвать духовно развитой девушкой, тянувшейся к искусству, но по сравнению с Юлинькой и с матерью она, безусловно, находится на гораздо более высокой ступени духовного развития. В контексте пьесы имя может восприниматься и как отсылающее к эмоциональной сфере: героиня способна глубоко и искренне любить и в конечном счете однозначно выбирает «рай в шалаше». Неслучайно она становится женой Жадова, также живущего чувствами.

Таким образом, все трехчленные антропонимы пьесы «Доходное место» могут восприниматься как единые тексты, содержащие довольно полную и подробную характеристику того или иного персонажа, т.е. имена превращаются в своего рода «этикетки», обозначающие уже не столько героя, сколько тот или иной тип. В дан-

ное пьесе система имен отражает не столько систему персонажей, сколько систему основных типов, существующих в обществе. Главные ценности изображенного мира — это деньги, материальные блага и продвижение по службе. Есть герой, достигший больших высот и продолжающий свое восхождение (Вышневецкий), ему помогает персонаж, хорошо знающий законы, понимающий, как можно реализовать махинацию своего начальника (Юсов), есть молодой человек, быстро и успешно делающий карьеру благодаря умению угодить всем, эти же качества помогают ему устроить свою семейную жизнь (Белогубов). Им противостоит герой, который чистую совесть (т.е. нравственные, духовные ценности) ставит выше материальных благ и который страстно желает, чтобы в мире торжествовали другие ценности (Жадов). Ложные ценности присущи не только мужчинам, но и женщинам, которые забывают о своей главной роли, заботе о детях, и желают пожить для себя (Кукушкина).

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) Современные словари дают другую версию (грация, милость [5. С. 54]), но Островский явно ориентировался на словарь Михельсона, вышедший в середине XIX в. и выдержавший несколько переизданий

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Батырева Л.П.* Диалектная лексика в речи жителей малого города (на материале г. Шуи Ивановской области) // Вестник Омского университета. 1997. Вып. 4. С. 71—73.
[2] *Вейсман А.Д.* Греческо-русский словарь. СПб: Издание автора, 1899. 694 с.
[3] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Диамант, 1996.
[4] *Михельсон А.Д.* Объяснение 25000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М.: Издание книгопродавца А.И. Манухина, 1865. 718 с.
[5] *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1950. 407 с.
[6] *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М.: АСТ; Астрель; Русские словари, 2005. 477 с.
[7] *Флоренский П.А.* Малое собр. соч. Вып. 1. Имена. М.: Купина, 1993. 319 с.
[8] *Ярхо В.Н.* Древнегреческая литература: Собрание трудов. Греческая и греко-римская комедия. М.: Лабиринт, 2002. 255 с.

ANTHROPONIMICAL AREA AS THE SIMBOLIC DESIGNATION OF THE MOST COMMON CHARACTER TYPES (‘A PROFITABLE PLACE’ BY A.N. OSTROVSKY)

I.N. Isakova

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Leninskiye Gory, 119991

The anthroponyms in the plays of A.N. Ostrovsky has long attracted the attention of researchers, and most often is the connection of etymology of name with the character of its bearer. This article

examines the semantics of the anthroponyms of the play 'A Profitable place', discusses the idea of their etymology in the speeches of the characters. We are trying to consider the name, surname and patronymic of the system. As a result, in each case, there is a original text, giving a complete picture of the nature of a character. In fact, the anthroponyms is a nominations of types, the most common among officials, which gives the images almost a mythological generalization. Anthroponyms constitute a system, which corresponds to the system of the characters in the play (Jadov contrasted with the other characters).

Key words: anthroponym, A.N. Ostrovsky, system of characters, type, the etymology of the name

REFERENCES

- [1] Batyreva L.P. Dialektnaja leksika v rechi zhiteley malogo goroda (na materiale g. Shui Ivanovskoj oblasti [Dialect vocabulary in the speech of the inhabitants of a small town (on the basis of Shuya, Ivanovo region)]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 1997, Vyp. 4. P. 71—73.
- [2] Vejsman A.D. Grechesko-russkij slovar' [Greek-Russian dictionary]. Sankt-Peterburg: Izdaniye avtora, 1899. 694 p.
- [3] Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo vtlikoruskogo jazyka [Explanatory Dictionary of the Great Russian language]. Sankt-Peterburg: Diamant, 1996.
- [4] Mihelson A.D. Objasnenije 25000 inostrannyh slov, voshedshih v upotreblenije v russkij jazyk, s oznacheniem ih korney [Explanation of 25,000 foreign words which have entered into use in the Russian language, with the signification of their roots]. M.: Izdaniye knigoprodavtsa A.I. Manukhina, 1865. 718 p.
- [5] Ostrovsky A.N. Polnoje sobranije sochinenij: v 16 t. [Complete works in 16 volumes] T. 2. M.: Khudozhestvennaja lileratura, 1950. 407 p.
- [6] Petrovsky N.A. Slovar' russkih lichnyh imen [Russian personal names Dictionary]. M.: AST; Astrel'; Russkie slovari, 2005. 477 p.
- [7] Florensky P.A. Maloje sobr. soch. Vyp. 1. Imena [Small collection of works. Vol. 1. Names]. M.: Kupina, 1993, 319 p.
- [8] Jarkho V.N. Drevnegrecheskaja literature: Sobranije trudov. Grecheskaja i greko-rimskaja komedija [Ancient Greek Literature: Collected Works. Greek and Greco-Roman comedy]. M.: Labirint, 2002. 255 p.